

К 84(2=411.2)6-5

Г 12

Виктор Гаврилов

*Свет, который
внутри*

ДЛЯ ДЕТЕЙ

12+

СТАРШЕ
ДИВНАДЦАТИ ЛЕТ

Виктор Гаврилов

*Свет, который
внутри*

Омск, 2006

ББК 84 (2Рос=Рус) 6–5

Г 12

*Гаврилов В. Свет, который внутри.
Стихи. – Омск, 2006. – 116 с.*

© *Гаврилов В.В.*

«Свет, который внутри» – вторая книга члена СП России, кандидата педагогических наук Виктора Гаврилова. Первая же, «Благослови на счастье», вышла десять лет назад. Такой вот грустный «юбилей»... Это – с одной стороны. С другой, книга все-таки пришла к читателю, а это ли не повод для радости? К тому же, такая «выдержка» позволила автору счастливо избежать так называемого «кризиса второй книги»: десять лет – срок, достаточный для того, чтобы нажать, надумать, начувствовать на книгу совсем новую и совсем взрослую... Хотя свою «взрослость» автор подчеркивает даже с некоторым перебором, особенно если учесть его реальные, а не «лирические» года:

*Я чувствую, как приближается старость,
Но занят делами бренными.
Я знаю, мне больше пространства осталось,
Чем времени.*

В то же время, Виктор Гаврилов остается верным себе и своей интонации, в чем внимательному и памятливому читателю будет легко убедиться. Тем более что автор не раз напоминал о себе землякам публикациями в альманахе «Иртыш», журнале «Литературный Омск», областных газетах.

Ирония и самоирония (иногда – с горчинкой); интересная и уместная языковая игра, поиск (и удачные находки!) новых слов, форм, рифм; гибкий ритм;

сильные и неожиданные концовки — все это и раньше было свойственно стихам В. Гаврилова. Новым (хотя и совершенно естественным), на мой, конечно же, субъективный взгляд, стало поэтическое и человеческое «мужание» автора и его героя, обостренное чувство ответственности не только за судьбы свою и близких, но и мира:

*Есть немало хорошего: дом, уют...
Есть на свете отличное место — Русь...
С синяками я, не потому что бьют,
А потому что — дерусь.*

Или:

*В сердце моем змея.
Все — как в бредовом сне...
Будто живу не я,
Но*

отвечать

мне.

А точкой опоры в этом мире, спасением и источником вдохновения по-прежнему остается любовь — к женщине, к близким, дому, родине:

*В нашем диком краю, где тайга прямо за огородом,
Я грущу без тебя... А сады занесло черемшой!
...Так бывает всегда — мы из малых,*

неузнанных родин

Выбираем одну и потом называем большой.

Именно здесь, где «Слова понятны. Помыслы чисты...», где «Мир, добрый, словно корова, / И теплый, как молоко...», «Где жить не нужно вычурно и на-черно...», возможно, по мнению поэта, «Простое человеческое счастье...», без которого и ему самому, и герою, и всем нам так непросто.

В то же время, не могу не отметить, что все

перечисленные особенности, так же как и искренность, естественность, разговорность интонации в сочетании с пристальным вниманием к форме, высокой культурой, интеллигентностью стиха, мощным «вертикальным контекстом» (Пушкин, Некрасов, Мандельштам, Рубцов, Бродский, Глазков, Перминов, Бернадская...) становятся своеобразной визитной карточкой омской поэтической школы вообще. Наверное, это те качества, что роднят нас с любой хорошей, талантливой, настоящей поэзией. Независимо от географии. Просто в стихах В. Гаврилова они особенно отчетливы, концентрированы.

Может, еще и потому, что Виктор по профессии филолог, его Слово точно, афористично:

*...Окончена война. И только ивы
Нечесаного утреннего сквера
Стояли, словно медленные взрывы.*

Или:

*...Я сижу — ироничен, нов...
И сейчас от людей оторван,
Словно пуговка от штанов.*

И еще: *Луна идет на звездной / По эту сторону июня...; Не спится. Снова эту ночь / Ломать, как плитку шоколада...; Как будто звезды тянут бечевой / Баржу Луны от Омска к Салехарду...; Я сорвусь! — / И зарей, как ножом, полоснет / По лицу и по небу...; Если жизнь состоит из разлук, / Из чего состоит смерть?..; ...Стихи ведь — штука очень личная, / Прости, — как «финка» под ребро...; Спасибо за вектор — / Мне есть куда жить...*

Иногда профессия «накладывает отпечаток» и на сами образы, которые, впрочем, из-за своей «филологичности» не становятся менее пронзительными и общечеловеческими:

*Не рвать мне в работе натруженных жил.
Зима. Остаемся без роду, без племени.
И крыша избушки, в которой я жил, —
Как суффикс глагола прошедшего времени...*

Или:

*Бьюсь не за славу и не за место...
И снова лихо сажусь на мель.
И жизнь проходит так незаметно,
Как «солнце» пишется с буквой «л».*

Так хочется, чтобы читатель не пропустил, не упустил любимых мною строк, строф, образов, но нельзя процитировать в предисловии всю книгу — лучше просто ее прочитать... Причем — залпом, на одном дыхании. Потому что, на мой взгляд и слух, дыхание здесь как раз одно. Может даже показаться, что вся книга — одна лирическая поэма, объединенная образом лирического героя, его (и автора) позицией, характером, интонацией. Сквозные образы, рефрены усиливают ощущение того, что звучит одна мелодия, одна основная тема, но — во множестве вариаций, аранжировок, инструментовок. Не случайно заключительный цикл (лирическую поэму?) автор в подзаголовке определил как «симфонию».

В книге Виктора много ночных стихов, бессонниц, сомнений, но герою (и автору) всегда достаточно света — он знает, где его искать:

*Ночь темна. Дождь осыпался с веток.
Ночь темна. Нам идти до зари.
Ночь темна. Ни дороги, ни света,
Кроме света, который внутри...*

Или:

*Вся деревня в июльскую ночь светла.
Не зову, не жалею, не жду ответа.*

*Мне не нужно уже твоего тепла,
Мне достаточно света.*

*И еще одно, очень любимое, последний аккорд
этой книги-симфонии:*

*...Ничего не разглядеть в окне.
Бьется ночь о снежное стекло.
Спит в кроватке Солнышко,
А мне*

Все равно светло...

*Всмотритесь, вслушайтесь, вчитайтесь...
Здесь достаточно света и для нас...*

*М. Безденежных, член СП России,
кандидат филологических наук*

Личная жизнь

Стыдно за этот сумбурный зачин...
Стыдно, что вру.

И сейчас...

А зачем?

2.

Под окнами зря простоял
Вчера...

От тебя без ума я.

Но жизнь хороша – просто я
Чего-то не понимаю...

Все меньше непрожитых дней...
Тебя я люблю – и точка!..
Но знаешь, у мамы твоей
Такая упрямая дочка.

И вот мы вдвоем!..

Цветы

На ночь замочишь в ванной.
Красивая самая – ты
Из всех на этом диване.

...В потемках, конечно же, все равно –
Какого цвета любимой кожа.

Ночь интер-
национальна. Вино
Имеет то же свойство, похоже.

Плевать, на каком языке говорит
Сбитая с толку мартом.
Английский, китайский, зулусский, санскрит –
Лишь бы не крыла матом...

Другим и в любви, и в игре
Везет...
Мне же – камни да кочки.

...Желтеет трава во дворе
И вечеру пятки щекочет.
Цветы молодого огня.
Истерика. Пьяные ночи...

Но если оставишь меня
В конце бесконечной игры –
Погибну
от одиночества –
В толпе,
на концерте Шуры...

3.

...А стоимость войны –

Цена земного рая!

Н. Глазков

*Снова в городе лето. Стоит жара.
На суровых мужчин дамы глазки щурят.
...Два сыночка у мамы, один – Шура,
А другой – Александр. Шура.*

*Он убит под Аргуном. Был адовый бой.
Двадцать лет пацану. Это просто бред!..
Два сыночка у мамы, один – голубой,
А другой вот – Зеленый Берет.*

*Знаю, не победить ни в любви, ни в войне.
Ясно, что смерть – не фикция.
Из всех разновидностей взрывов мне
Ближе демографический...*

*Апомнишь, как было?.. В карманах – голяк.
Тяжелые сны. Томление.
На площади с Леною часто гулял.
Теперь это – площадь Ленина.*

*На речке с утра свежо, покой.
Выйдешь родиной подышать –
Туман поднимается над рекой,
Как над телом – душа...*

4.

Наша жизнь – круче некуда. Только держись!
И пускай у меня все покуда – не в масть,
Прочь, убийцы!

Моя личная – жизнь,
Не имеете права ее отнимать...

...Компенсируют силой нехватку ума.
Сколько можно терпеть эту дурь подлецов?
«But I don't understand...

Братцы, не понима...» –
Получаю удар в лицо.

Говорите, уста. Я срываю печать.
«Может статься, я зол. Может быть, ершист...
Но найдется всегда, что защищать,
Если где-то рядом – фашист.

Есть немало хорошего: дом, уют...
Есть на свете отличное место – Русь...
С синяками я, не потому что бьют,
А потому что – дерусь».

5. О литературных пристрастиях

Утихли и слезы, и стоны...
Поэт лежал, как бревно.
Похожая на Шэрон Стоун
Фея влетела в окно.

Может, тучами стянуто небо?
Может, дрых поэт, как свинья?
Может быть, ничего и не было,
А поэтом был я?

Зная точно, в чем женская сила,
Шэрон села ко мне на кровать.
Вот так штука! – звезда попросила
В честь нее
наши звезды назвать...

Пусть другие в глазах этих тонут.
Пальцы сжимаются в дули.
Мне не нравится Шэрон Стоун!
Мне нравится Ахмадулина.

7.

И, голову склонив, «Ищи», — ты скажешь строго...
А. Рембо

**Так не в силах я птицей назвать пингвина.
Так слюну извергают вулканные жерла.
И маньяк убивает во имя любви, но,
Без сомненья, отличной от той, что у жертвы.**

**Так в окошко стучат «дождевые перлы».
Наполняются ночи вознёй мышинной.
Так Иван был у Марьи одним из первых,
То есть двадцать девятым её мужчиной.**

**Так подданных парней выгоняют из класса.
Так, наверно, хирург разбирается в людях.
Я не верил в любовь с первого глаза.
Я любил, словно волк, беспощадно и люто.**

**Ночь темна так, что звезды нам кажутся льдинами.
Слышен треск...**

**И сшибает громаду громада.
Хорошо, что впотымах ты сказала: «Найди меня!»
Хорошо, что мне долго искать не надо...**

8.

**СМОТРУ ЛЕТАЮЩИМ ЛИСТЬЯМ ВСЛЕД
Я ПОМНЮ ВСЕ**

ТЫ СЛЫШИШЬ ОСЕНЬ

**ей было 18 лет
а мне
мне было хорошо с ней**

**мне нравилось ее лицо
но засосала жизнь иная
и вот теперь ее крыльцо
мне эшафот напоминает**

**я был всегда небрит и груб
гордился силой удаюю
и нам убежищем был сруб
там пахло чабрецом смолою**

**давно изломаны пути
и мир подобен кегельбану
и пошляки сейчас в чести
и сруб наш превратили в баню**

пускай я дрянь
пускай я пьян
хотя другие пьют не менее
у нас ту love не инь и ян
а просто недоразуменье

выдумывать вопросы лень
ответы тяжелы как гири
и больно страшно каждый день
мне просыпаться в этом мире

9.

**В сердце моем змея.
Все – как в бредовом сне...
Будто живу не я,
Но
 отвечать
 мне.**

*Ролики – это кайф!
Напись на стене.*

**...Дали врагам сполна! –
Вышел живым из драки.
...Звали девчонки на
Пиво и казнаки.**

**Жизнь хороша! Пускай
Нашим везет почаще...
Ролики – это кайф,
Все остальное – счастье.**

*...Спотыкался, финтил бестолково
Там, где надо «играть головой»...
Все, что сделал я в жизни плохого —
Это низко подал угловой.*

*Мы с тобой поживем, поиграем.
Друг, посмотришь, еще победим...
И с мячом проходя правым краем,
Очень здорово быть молодым.*

*Веришь, юность твоя зарева
Лет на сто...*

*Нам Пеле — не чета...
Веришь, вредных людей не бывает,
Если их вратаря не считать.*

Написать бы, что сердцу тесно,
Что люблю, как себя, людей...
Это будет что надо песня,
Но, конечно, не «Yesterday»,

И не станет Земля вращаться
Чуть быстрее...

 День на день похож.
Без гитары могу про счастье,
А с гитарой про все, что хошь! –

Как за морем жила синица,
И про ухаля-молодца...
(Уж заставил бы я жениться
На девице того купца!)

Эх, душа у меня босая! –
Не могу петь, как все...

 И вот –

Стенька за борт княжну бросает,
Но спасает ее ОСВОД.

Ода сеновалу

Лето не стоит на месте.
Над горой медовый месяц,
Над горой движенье звезд.
Лебедь, Рак и Рыба – вместе
Три созвездия – невесты
С женихом тянули воз...

Зря ли брюхо сеновала
Теща пледом укрывала?
Кто потом пришел сюда?
Как на том на сеновале
Ваня с Валею целовались
И хотели быть всегда...

Все колелось и шуршало,
Все дышало шумно, шало...
Что – перина?! Что – матрас?!
Вот постель! К чему тревога?
Молодым «двухспальной» много,
А такая в самый раз!..

*Будни стирают нас в порошок,
Но стоит ли горевать?
Молодоженам там хорошо,
Где будет стоять кровать...*

*Ночь. Непогода. Четвертый час.
Я вышел навеселе.
...Рай – это место, где любят нас.
Нет его на земле.*

*Милая, день просто так сгубя,
Я шел сквозь ночную взвесь.
Можно поцеловать тебя? –
Я должен узнать, что ты есть...*

Было ли? Было.

Когда? Давно.

Тише, печаль моя...

Дождик стучится в твое окно.

Эх, почему не я?

Долги дороги. Обширна Русь.

Где ты, в какой дали?

Знаешь, уныние – тяжкий груз.

Тонут с ним корабли.

*Не хочется ни шума, ни компаний.
Навстречу люди, будни и дела.
Общаемся и сетуем на память,
Но счастливы не помнящие зла.*

*Любуюсь на цветущие сирени.
Слова понятны. Помыслы чисты.
Иду по вечеряющей деревне,
Читаю придорожные цветы.*

*Так хочется с работы возвращаться
К жене и детям – только и всего.
Простое человеческое счастье.
А все-таки непросто без него.*

Скажешь «да», и тогда буду счастлив очень...
Подарю золотое кольцо и серьги,
Подвенечное платье и все, что хочешь –
Ведь иначе тоска надорвет мне сердце.

Мчаться в город и снова друзьям названивать,
У подъезда стоять и считать балконы...
Только жизнь хороша... Хороши названия –
«Император дивана» и «муж законный».

Наш трехкомнатный мир – он трехмерный тоже,
В нем приятно шутить, говорить о снеге,
О подарках, которые будут позже –
Столько праздника, что и стареть-то негде...

...

За юность шальную, гордую
Твою,
За смычку деревни с городом
Я пью.
За нынешний тихий, радостный
Уют.
За это, наверно, в праздники
Не пьют.
Я пью этот вечер уличный,
Галдеж...
За солнце, за окна булочных,
За дожди!
За мартовский звонкий веточный
Надлом.
...Я пью за победу Вечного
Над злом!

*Пускай окликнет кто-нибудь по отчеству,
Мол, Викторович, как твои дела?
Нет ничего страшнее одиночества,
Глядящего по-рысьи из угла.*

*За парками, фонтанами и кленами –
Окраина... Там бродят алкаши.
Там тесный пляж, скамейки раскаленные...
Прячь за очками зеркало души!*

*...Над городом прольется небо звездное.
Твой тихий дом – конечная в пути,
Но надо уходить. И время позднее.
Я ухожу...
И некуда идти.*

*В любви не везло. Отвергали, не скрою.
Едва не свернул с пути.
Но вот довелось мне осенней порою
На твой огонек зайти.*

*Нет имени звонче. Нет губ этих слаще.
Не стану кривить душой:
Спасибо всем дамам, меня посылавшим,
Мне кажется, я дошел!..*

Алы небес края,
Но две звезды желты...
Та, что повыше – я,
Та, что поярче – ты.

В мареве бытия
Двигутся дней плоты.
Парень с биноклем – я,
Девушка рядом – ты.

Мир этот пусть растет,
Бродят пускай умы...
В школу бегущий, тот
Мальчик вихрастый – мы.

Семейная сцена

- Актер:* Ждут меня огни оваций.
Я почти герой.
- Актриса:* Чтобы нам не расставаться,
Дверь на ключ закрой.
- Ремарка автора:* Словно эхо прошлой боли,
Вспыхнула звезда.
- Актриса:* Ты меня не любишь больше?
- Актер:* Больше, чем когда?...

Городская песня

*Я хотел бы жить, Fortunatus, в городе...
И. Бродский.*

**Я хотел бы жить в городе между Второй и Четвертой.
Если что-то писать, то, наверное, о пустяках.
Покидать кабаки. И матросской походкой нетвердой
Проходить мимо крашенных женщин в ажурных чулках.**

**Но стихи превращаются в листья, ударившись оземь.
Только щелкни, и лампочка тускло уставится в пол.
Я ушел,**

как пижон,

в эту англоязычную осень.

Собутыльник остался, непонятый мной, как бейсбол.

**Он не слушал, когда я «She loves you» играл на гармошке.
И в таком окружении вряд ли останешься цел.
Если город следит за тобою, уйти невозможно.
Чуть замрешь и как раз попадаешь в оконный прицел.**

**Я бы мог наблюдать поезда и столетия с перрона...
В непогоду тревожно маячить вечерним окном.
Мне хотелось бы жить в этом городе белой вороной,
То есть – в жизни моей Беатриче быть светлым пятном.**

Чужой город

Хотел бы я не чувствовать вины.
Хотел бы я сейчас напиться в хлам...
Наступит завтра. Лопнет шар луны.
Дождем зальет костер ночных реклам.

...Сквозит реки стальное молоко.
Земные перспективы не ясны.
Сырая ночь.

До милой далеко,
Как первого июня – до весны...

Моей Пенелопе

Страшно жить. Страшнее умирать.

*...Дом напротив сер и перекошен.
Кружит над землей воронья рать.
Как циклоп, фонарь глядит в окошко.*

*Был бы я хитер, как тот Улисс,
На баране озорно повис, –
Перетек в иное измеренье.*

*Но циклоп все видит без прикрас:
И не подведут на этот раз
Ни друзья, ни интеллект, ни зренье.*

*Жить бы, не задерживая штор,
Разрывая дней чугунных звенья,
Если жизнь – всего лишь средство,
чтоб
К милой прикоснуться на мгновенье.*

Что ж, такая случилась погода
В отношеньях...

Ты, видно, права —
За меня говорила свобода,
За тебя говорила молва.

Все же стоит надеяться, верить —
Хватит времени, сил и судьбы.
Принимаю открытые двери,
Как финал этой долгой борьбы.

Ночь темна. Дождь осыпался с веток.
Ночь темна. Нам идти до зари.
Ночь темна. Ни дороги, ни света,
Кроме света, который внутри...

Мы столько лет одну эпоху месим,
Мы столько лет играем в эти игры,
И, приходя в одно и то же место,
Приходим: ты – домой, я – в клетку к тигру.

Лежать бы нам с тобой, как двум тюленям,
На берегу дивана... Это дело!
Но ты опять у стула на коленях,
И я ревную – бледен, что Отелло.

...А утром выпал снег любви во имя.
Я шел один. Был город пуст, как тара.
Я застегнул, как молнией, своими
Следами перспективу тротуара.

Окончена война. Что, впрочем, скверно.
Окончена война. И только ивы
Нечесаного утреннего сквера
Стояли, словно медленные взрывы.

Поутихли бураны и штормы лютые.
Отразившись, становятся звезды морскими.
У меня непомерное тебялюбие.
Я не знаю, что делают девы с такими...

Я мечтатель. И грежу твоими ласками.
А при встрече свое забываю имя.
Я готов ко всему: и к расстрелу глазками,
И к бессоннице, если она взаимна.

Я готов целоваться в подъездах облезлых
И дышать искалеченным воздухом мая...
Только помни, родная, что я не железный.

...И поэтому я ни за что не сломаюсь.

*Подсвечено лицо моей жены изнутри.
И не потушит время этот свет никогда.
За окнами гудит метель до самой зари.
Одна снежинка – чудо, если много – беда...*

*Я жил с самим собою в состоянье весны.
Но поросла быльем моя прямая стезя.
Я сделал чувство долга равным чувству вины,
Так неужели счастье – это то, что нельзя?*

*А нам с тобою сладко. Нам с тобой все равно.
Будильник, как безумная слониха, трубит.
Уходим, словно рыбы, на постельное дно –
И о любовну лодку разбивается быт...*

Ты не станешь перечить,
Что хотела – сказала.
Сны высоки.
И предчувствие встречи –
Это путь от вокзала
К взмаху руки.

Для мужчин и для женщин
Расставанья условны –
Вечер ли, век...
Существует движенье,
И пускай – по наклонной,
Только бы вверх!

*Квадратный
снег*

Письмо бабушке

Нынче жизнь пошла иная...
Я сшибаю по рублю.
Бабушка моя родная,
Говоришь: «Терпи!..»
Терплю.
Мне бы много денег сразу –
Нет, не даром!.. За труды.
Плодоовощную базу,
На которой нет еды,
Сторожу...

А ночью холод
И движение химер.
Грустные стихи выходят,
Вот такие, например:
«Переулок – словно дуло.
Темень. Тонут звезды в ней.
Улыбаюсь: «Пуля – дура».
Я сейчас еще дурней.
А без денег просто жутко.
Надо жить, и я живу.
...Добрый дядя, Ваня Жуков,
Забери меня в Москву».

Ты простишь ли мою усмешку,
Все, что сказано невзначай?
... Вот в бутоне стакана чай
С электричеством вперемешку.
... Не напала б какая шайка.
Заостряются звезд мечи.
И собака по кличке Шайба
Удивляется, но молчит.
За воротами – снег, просторно.
Я сижу – ироничен, нов...
И сейчас от людей оторван,
Словно пуговка от штанов.

Голубушка, еще одно:
Стихи сейчас читал. Хорошие.
Большой поэт! Погиб, отброшенный
Страной, системой – все равно.
О нем в каком-нибудь бистро
Поспорят критики столичные.
... Стихи ведь – штука очень личная,
Прости, – как «финка» под ребро.

*Все – «установка на добро!..»
Прошу прощенья, накатило вот.*

*«...Дозрел, так перечти Кутилова,
А нет – «Женитьбу Фигаро».*

*Нет в мире правды?.. Но также – в ногах.
Делал обходы от случая к случаю.
Может, минует беда неминучая...
Хвост пистолетом... системы «Наган».
Время разделяет нас в пух и прах.
В драках ли, спящим – наносит увечья.
...Маюсь, ворую минуты у вечности,
То есть не сплю. Кальдерон был не прав.
Пусть будет буря! Мельканье огня,
Деньги шальные да страсти любовны...
Все мне под силу.*

*...Ох, сердцу как больно.
Господи, не оставь меня!*

Рвем голоса. Сбиваем столбы.
Тлеем печально, медленно.
Время другое – медные лбы
Так и остались медными.
Может, стожусь в поэты, в мужья –
В миллионеры, в принцы ли...
Так и живу...

Не дали ружья –
Хвост пистолетом. В принципе.
Сбудется ночь.

И вслед темноте
Грянет орда пернатая!..
Сутки я – миф, а после мате-
риализуюсь, на трое...
Спрятался в легонькое пальто.
Видом люблюсь на реку.
Звезды на небе,
как будто кто
Ищет меня с фонариками...

1998 г.

КВАДРАТНЫЙ СНЕГ

1. Письмо женщине N

Я пытался быть кратким, как Чехов учит.

Молодецкий задор, поострее тема...

Но сейчас:

чем пространней письмо, тем лучше,

Потому что концовка – insult поэмы.

«Денегнет, все равно, что – ума». Согласен.

Но учился же я... И учил – бывало...

Мной весь Гоголь прочитан в четвертом классе.

Неужели – зря? Неужели мало?

Впрочем, я – как свободный во всем художник –

Возвышаюсь

над бестолчью

мышинной.

Это ж скольких людей я ограбить должен,

Чтоб кататься потом на крутой машине?

...Мне хотелось быть с ними, да что в том току? –

Холуи всем довольны и скачут резво...

Деньги – высшая степень свободы только

Для раба.

Для того, кто свободен – средство.

...Я вчера встретил друга.

Он хмур и зол так...

Он всегда аутсайдер и третий лишний.

Я спросил: «Как соседи?»

«Не люди – золото! –

Он ответил. – Не били ногами лишь бы».

Мы живем потихоньку в бетонных ульях.

Обрастаем привычками, как корою...

Ничего, что стреляют сейчас на улицах –

Плохо, что попадают в людей порою.

Говорят: «Изменился...»

Я вредный, тощий.

И пою: «Да, я шут...», подражая Оттсу...

Что ж, душа – это тонкая штука. Тоньше

Не бывает.

Увы, там, где тонко – рвется.

...Быть с тобой чтоб,

заполнить готов хоть сто граф...

Я шагами считаю: «Любит – не любит...»

Осень щурится, как японский фотограф.

Перевернуты в фокусе лужи люди....

И кому рассказать, что не спал всю ночь я,

Что зенит покорежен звездой падучей,

Что Луны абрикос был надкушен тучей,

Что разорвана жизнь без любимой в клочья?

...Ностальгия?

Хандра?

Все пройдет, конечно.

Я смотрю на тебя, на закат багровый.

Если б только могла хоть немного нежность

Врачевать —

ты была бы давно здорова.

Счастье не обивает мои пороги.

Но с тобою не страшно в эпоху злую.

Зачеркни в этой вещи пустые строки,

И останется только:

«Люблю. Целую».

2. Еще одно письмо N

*...А в саду цветут соловьи.
Я настойчив, упрям, как факты.
Что ж целуешь сейчас не мои,
А стеклянные губы «Фанты»?*

*Вот я рядом с тобою, только
Между нами сто тысяч верст.
И сверкает над садом —*

Токио

Звезд.

*Мне сегодня тоскливо, пусто.
И жужжит соловей, как дрель.
...«Целоваться — большое искусство», —*

Как сказал Рафаэль.

3. Письмо дочке

*...Но если себя стало жалко,
Читай мой далекий смех.
Вот письма на стол ложатся,
Словно квадратный снег.*

*Гуди, телефонный провод,
Словесную плавь руду!..
Любовь – это только повод
С неба достать звезду.*

*Есть фото- и видеопленки,
Где Заяц улыбочив весь.
Обкаканные пеленки –
Очень хорошая вещь.*

*И папа совсем не хмурый.
Опять не жалеет слов.
Разводит свои «мур-муры»,
Поет, как пятьсот битлов.*

*Ведь мама вернется в восемь,
А может быть, даже в семь.
И плакать не нужно вовсе.
Плакать не нужно совсем!*

*Но папа не знает точно:
Вдруг мама придет и в пять!
Ведь это, пожалуй, то, что
Действительно стоит ждать.*

4.

*Иная грядет эпоха,
Иные гудят ветра.
Узнай, что такое плохо! –
Послушай, как пел Шура.
...А граффити – это чувство,
Что плоскость обнажена.
Не требуется искусство,
Но требуется стена.
В дороге – скажу, как доктор –
Любая больней беда.
Пройдет, как игла, кондуктор
Сквозь души и поезда.*

*Жду счастья в жизни личной,
Во всем сам себя виня.
А так, вроде, все отлично,
Но жаль, что – не у меня.*

5. Письмо из деревни

Здесь по утрам вот такие клевы!
Рыба идет, как нигде.
Падают, падают в небо клены,
Отражаясь в воде.

Завороженный стихией водной,
Я позабыл Содом.
Не представляю, где ты сегодня...
Но там, где ты, – дом.

Ну, за твою и мою свободу...
За неземную грусть...
Четверть стакана
(как лодка – воду)
Я принимаю на грудь.

Не вспоминаю о прошлых бедах.
Нынче расклад иной.
Главная в жизни моей победа –
Это твоя. Надо мной.

6. Письмо моим дальним

Мог бы играть сам себя в кино,
Сталью кромсать моря.
Мог бы напиться и – шась в окно,
Но у меня есть я.

Я говорит, что тепло зимой.
Верю, хотя – с трудом.
Я говорит, что пора домой,
Не говорит, где дом...

Я питию сочиняет гимн
И сам себе не раб.
Я говорит о любви к другим...
Речь переходит в храп.

Я исчисляет души края
(Занят всегда одним).
Я посылаю подальше «я»,
Фрейда и тех, кто с ним.

Вновь обнажается нерв строки,
Прячутся тени в шкаф.
Вновь от волнения рука реки
Не попадет в рукав.

*Плещет огнями торговый ряд,
Хлещет рекой вино,
Ярче всех лун фонари горят –
Что же вам так темно?*

*«Дров! Да побольше...» Ведь это дар –
Знать, что полезно зло.
«Дайте Джордано и Жанну Д'Арк –
Будет опять светло».*

7.

Равенство, брат, исключает братство.

И. Бродский.

**Тяжело фарисеям летом.
Дамы следуют моде слепо.
Дамы, кажется, вовсе без
Ничего. Я смотрю под ноги.
Но боюсь, что собьюсь с дороги.
От жары я совсем балбес.**

**Модернизменно пью красу их.
Перед дамами фарисуюсь,
Фарисею слова... Но вдруг
Понимаю – пора убраться.
...Ну, какое возможно братство,
Если столько сестер вокруг?**

Железнодорожный вальс

А. Петрову

Кепку надену, потом – пальто.
Выскочу за порог.
Если Москва – деревенька, то
Омск – это хуторок.

Светится иней. Горит звезда...
Или твое окно?..
Катятся синие поезда,
Может, и я – в одном?..

Будто играю в каком кино.
Будто бы я – другой.
Юность моя уезжает, но
Я помашу рукой.

Вижу с платформы во всей красе
Осень, меня и вас.
На «Сортировке» вагоны все –
Словно танцуют вальс.

Грустную песню с тобой споем.
Глупо кричать «виват!»
Впрочем, я думаю, что во всем
Стрелочник виноват.

Другу в Германию

*Утихли страсти. Жизнь пошла
По колее, прямой и точной.
И ясен день, и ночь тепла.
Дрозды поют, растут цветочки.*

*«Улыбочку!» Лицо свело...
Пионы смотрят из кювета.
Уютно, сытно и светло –
И нет просвета...*

Элегия

*Я люблю летний ливень, когда
Вызревает за окнами ночь.
Подобрать не составит труда
К шуму несколько слов или нот...*

*Лето, бакены, клены, мосты...
Лето, улица, клены опять...
Хороши дамы, словно цветы,
Но не хочется их покупать.*

*Память выплавит каждый пустяк,
И гитарную дрожь тетивы...
А чернила могли бы, но так
И не стали стихами, увы...*

*Боль, обиды и времени ток,
Что свинец, оседают в груди –
Как, наверно, печалится тот,
У кого все еще впереди...*

Кающейся Магдалине

...Ты их запомнила в зареве лжи, —
Бравших послушное тело с жаром...
Лето навалится, словно мужик,
Душное, пахнущее перегаром.

Наши, ее ли крепчают грехи...
Будто бы прячась от века лютого,
Будто бы плача, выводит стихи
Про мотыльков и цветочки-лютики.

Мимо проносятся дни-поезда.
Свет вечеряющий в комнату льется.
...В дальней деревне, как будто звезда,
Падает время на дно колодца.

Вроде бы не было веских причин,
Чтобы спасти все, что смрадно и грошево,
Но всякий раз ты спасала мужчин
Из полыхающего прошлого...

Се человек, потому что она
Если и судит, то вовсе не строго.
А у свиньи перспектива одна —
Бефстроганов...

*Дочь рисует папу. Дочь рисует часто:
«Папа на рыбалке», «Папочка в бою».
А по жизни папа – дегустатор счастья,
Губит жизни близких, но сперва – свою...*

*Дочь его рисует не печально-серым,
Вермута не пьет он там, за гаражом.
...Каждый раз у папы замирает сердце:
Будет ли героем вновь изображен?*

*На рисунке – солнца розовый салютик,
Ясные деревья, радуга – дугой,
Никогда не вянет разноцветный лютик...
Папочка отсюда не уйдет к другой.*

Он рано женщину познал.
Он не гадал, что будет, если...
Он хороводил допоздна.
Он был слегка похож на Пресли...

Решил, что скучен сердцу быт.
Решил, что стариться немодно.
Он лучшим другом женщин был,
Хоть женщины дружить не могут.
Он жил как будто взаперти.
Сгорел печально и напрасно.

...Я знаю точно – жизнь прекрасна.
Но доказательств нет почти.

Он был Моцартом профиля узкого,
И, увы, – несметлив, недогадлив...
Он фрезую вытачивал музыку,
Выходили шурупы да гайки.

Он занюхивал водку напильником,
Пил цикуту, бывшее итожа:
Все, что нужно для славы, написано, –
К сожалению, «Реквием» тоже.

*Когда она одна, когда не спится,
Печально, тихо, как в английской пьесе,
Сама с собой сражается на спицах,
И шарф для мужа прибавляет в весе,*

Длине...

*А муж с утра ушел за хлебом –
Семнадцать лет назад – красивый, летний...
И каждый день в халатике нелепом
Она, как старый флаг, выносит сплетни.*

*Ей говорят: «Чай, вывезет кривая...»
Она в ответ: «Ну что за детский лепет...»
Лекарства пьет.*

*И я подозреваю,
Что время в этом возрасте не лечит.*

Письмо из Тавриды

*Золотистого меда струя из бутылки стекла
Так тягуче и долго...*

О. Мангельштам

**Так странно вечер сводится к нулю.
Душа опять меж февралем и мартом...
Страшнее нет амура с автоматом –
Всех до единой девушек люблю.**

**Хозяйка спросит: «Как дела?», и лед
Тихонько звякнет по стеклянной хорде.
Отвечу что-то вроде: «Жизнь идет»,
Но, подразумевая, что – проходит...**

**Что делать в этой варварской глуши? –
Искать приют и стариться без дела,
И легкий огонек своей души
Неловко прикрывать ладонью тела...**

Танец ночных бабочек

Как поверить, что все происходит со мной?
Так не верит моряк, смытый за борт волной.
Так не верят, наткнувшись на холод ножа
Или выпав с тринадцатого этажа.

День-деньской занят тем, что не пью вино,
Не иду на Тверскую, когда темно.
Не читаю «Playboy». Не ору с тоской:
«Почему в нашем городе нет Тверской?»

Я не ратник на тайной войне полов
(Чтоб понять это, мало надеть очки),
Потому что из всех нецензурных слов
Нецензурное самое – «девочки».

Город сам у себя в бесконечном плену.
Возле окон его – хулиганы с рогатками.
...Неужели нам зря снова дали весну?
Неужели опять выйдет что-нибудь гадкое?

Ночные мысли

Если видишь, как вещь превратилась в фетиш,
Если не фонарем, а лучиной светишь,
Значит, ты позабыт... Ну, поплачь в подушку.
На каком бы не жил берегу, подружка
Будет жить на другом... Сам к себе ревнуешь –
Так она хороша, не понять бревну лишь.

А подруга из клуба другим ведома.
С провожатым не скоро дойдет до дома.
Коль охота – до фени кровать, перина...
Говорит: «Не ломайся, не балерина!»
С русской удалью навзничь её кидает...
Если это – по-русски, то я китаец.

Если ты на костре, значит, ты Джордано
Или Жанна – зависит от пола.

Данной
Аксиомой не вышибешь двери в завтра,
Зубочисткой не свалишь тираннозавра...

*И душа не болит, лишь тихонько ноет.
Худо, как Цицерону в немом кино и
Паганини, которому дали бубен...
Но в фамилии русской моей как будто
Есть английское «love». Это, в общем, греет,
Как фиеста – повешенного на рее.*

*Я состарился, вы просто стали старше.
И не троньте меня, не зовите даже.
Я не сдюжу, сорвусь и пошлю подальше...*

Может, там жить не так тяжело и страшно.

Скучный дождик, за буднями – будни, крепка
Эта клетка...

Я знаю, что вырвусь.
Все проходит, конечно. И жизнь коротка,
Но обычно дается на вырост.

И когда мне покажется – тщетны труды
В наше время и в будущем веке,
Я поверю кипению вешней воды
Или хрусту надломленной ветки.

А пока – диктатура бессонницы. Гнет.
Двое суток ни денег, ни хлеба.
...Я сорвусь! –
И зарей, как ножом, полоснет
По лицу и по небу...

Вечерние песни

Песнь 1

*Дни сыплются на меня,
Как пустые коробки со шкафа.
И мне кажется, в этом нет никакого смысла.
Но я вижу деревья, которые рвутся вверх,
Как моя молитва.
И душа
становится больше, чем тело.*

Песнь 2

*Словно бурлак, тащу за собой
Баржу прожитых лет.
И с каждым годом – все тяжелей...
Но мне радостно, что
Твоя звезда
Указывает мне путь.
И мне страшно, что ее могло не быть.*

Песнь 3

*Спотыкаюсь. Падаю. Поднимаюсь опять –
Бьют именно лежачих...
Как бы ни был велик грех,
Страшнее уверить себя в том,
Что прощенья не будет.*

Песнь 4

*В городе – пережати-поле из целлофана,
Телеграммы вывесок,
Глухие колодцы окон.
А в небе всегда светло.
...Спасибо за вектор –
Мне есть куда жить.*

*Пока что не гаснет над нами звезда,
Альтернативы пока что лету нет...
И «до-мажор» хорош лишь тогда,
Когда за ним «ля-минор» следует.
Но больше я не пишу ничего:
Забрезжит ли выход из леса дремучего?*

*Говорить о нуждах мира сего –
Все равно, что китайский боевик озвучивать...*

Отрывок

*Каждый день отрываешь календарю язык,
А он все лопочет, сердечный, почем зря,
Пока не умолкнет к первому января...
И снова, в который раз постигать азы.*

*Зрелость. Воспоминанья смывает дождь.
Осень сжигает березовые мосты.
Зрелость – когда в проходящей девчонке ты
Видишь уже не жену, а дочь.*

*И, может быть, завтра пожар души
Взвьется так, что – ни сна, ни сил,
Но кто-то должен его тушить
Фразою, вроде «дыр-бул-шил».*

*Поэт может сшибать по рублю,
Спать в канаве, посылать всех,
Но кто-то ведь должен сказать «люблю»,
Не имея в виду секс...*

*Генерал! Наши карты — дерьмо. Я пас.
И. Бродский*

**...А генералы с помощью искусства
Хотели бы взрастить иные чувства,
Которые народ подрастерял.
Одно из них — гордыня мазохиста:
Чтоб выбрать вместо ста ударов триста
И заорать: «Мерзавец генерал!»**

**Поэт не должен растворяться в массе.
Он водку пьет, ночует в теплотрассе.
Воззвания сочиняет, но когда
Возьмут его не слуги Аполлона,
А хмурые сотрудники ОМОНа,
На дно глазное упадет звезда.**

**Побьют поэта... Больно и обидно,
Что вместо позвоночника — дубинка.
Свободаравенств... воля — кулакам!
Пульсирует колючее свечение.
Все повторится: девочкам — печенье
И что-то там — мальчишкам-дуракам...**

*Жизнь идет с понедельника и до утра.
Век на праздники скуп.
Снежной, попадая в пространство двора,
Превращается в куб.*

*В тайном ужасе жмутся к земле города.
Давит ночи плита.
Для чего мы сбиваемся в стаи, когда
Не хотим улетать?*

Часто думаю в сумраке ночи,
Что давно не пишу ничего,
Что, быть может, из всех одиночеств
Одиночее нет моего –
Глупо это...

Эх, выпустить пар бы!
Где вы – диспуты, шум, институт?..

Как же долго идут снегопады!..
Как же долго друзья не идут.

Железнодорожный романс

*А пленных я не беру –
Кормить, понимаешь, нечем...
М. Безденежных*

**Я люблю уезжать из Москвы
Ранним утром и вечером темным...
Я люблю обращаться на «вы»
К проводницам печальным и томным.**

**За окошком колышется дождь.
Нами путь до рассвета не пройден.
Все, что есть у меня – это дочь
И жена, остальное – родина.**

**– Вы откуда: Саратов, Уфа ль?..
(Дамы с гиканьем в душу полезли).
Я, как та сковородка «Tefal», –
И ко мне приставать бесполезно.**

**Искушения – все ж полбеды:
С жаром тела, мечтами и сплетнями...
Сам себя я смогу победить,
Только что мне потом делать с пленными?..**

Дорожная жалоба

Едем. Женщина смотрит вдаль
И кокетливо мнет цветы.
Я на это чихаю. Жаль
Мне того, что она – не ты.

Слаще нет тебя! – не тая
Говорю, безо всякой лжи...
Вот была бы ты рядом, я
Сахар в кофе не положил.

...Ото всех я укрыт пальто.
Все, желаю нестрашных снов.
(Если зубы – на полку, то
Сам – туда же без лишних слов).

Может, все это сон? –

Луна

И ночная игра огня...
Проводник, разбуди меня!
Впрочем, ты персонаж из сна...

**Ты заваривать чай мастак,
Сделай мне (от душевных ран).
Мы с тобою напьемся так,
Что в итоге рванем «стоп-кран»...**

**Только в сердце нет места злу.
И отчаиваться не смей!
...Если жизнь состоит из разлук,
Из чего состоит смерть?**

*Похоже, проливной свое берет...
Но зелень все еще шуршит беспечно,
И в шахматы фигурами берез
Играет осень с августом неспешно.*

*И движутся фигуры дотемна
Своим размеренным неслышным шагом.
За облаками прячется Луна
Так, будто бы она стоит под шахом.*

*Струится поезд. Плавится трава.
И мнится: ждешь меня в пустой квартире.
Как будто сам я двигаюсь с е-два
Чадащею тоской
на е-четыре.*

Московская сага

Я вымок, что бездомный дикий пес.
В моей крови кочевничьи привычки...
Куда ж еще ты задираешь нос,
Курносая красавица-москвичка.

И я тебе не адвокат, не суд.
Лишь на минуту оказался возле...
Сейчас нас электрички развезут –
Настолько даже с водки не развозит.

В твои глаза смотреться мне зачем?
Ведь не понять – пусты они, бездонны...
Как не определить по букве «М»,
Что впереди: метро или «МақДональдс».

И в метрополитенную трубу
Уходит время – сумрачно и странно.
Но я свою негромкую судьбу
На диктофон стихов пишу исправно.

*Любить за что-то низко, посему,
Не взвешивая доводы и числа,
Я полюбил бы вопреки всему,
Но вот всего как раз и не случилось.*

*Расстанемся – и не сочтем за труд...
Не больно разрывать такие звенья,
Поскольку здесь, в «подземке», не берут
Ни сотовый, ни грусть, ни вдохновенье...*

10 600 м.

**Там снегопад, и птичья ругань,
И застекленная вода.
Там пешеходики по кругу
Бредут неведомо куда.**

**Здесь облака чисты до хруста.
Сияет радужная смесь.
И Ангелам, наверно, грустно
Спускаться вниз из этих мест.**

*Рвануться. Взлететь. Опасть
На плоскость полночной крыши.
...Весной тополям опять
Подрезали вымах крыльев.*

*Раз ночи глуха труба –
Ни света, ни сна, ни хлеба,
Я вглядываюсь в себя,
Чтобы увидеть небо.*

*Нет, я не хуже и не лучше всех,
Но, знаешь ли, хандра черна, как яма.
Люблю глазковский молодецкий смех
И мрачноватый юмор Мандельштама.*

*Нам, «астрономам», не до пустяков —
До первых петухов ночного лета
Я открываю звездочки стихов
За глянцевую тучей переплета.*

*Для истины нет потолка или дна.
Ее не докажешь войной и парадом...
Пока не взойдешь на костер, она
Для многих останется просто правдой.*

*Маячат под вечер повсюду драконы,
И дни опадают с веточек.
Растут фонари у меня под балконом
И светятся.*

*Я чувствую, как приближается старость,
Но занят делами бренными.
Я знаю, мне больше пространства осталось,
Чем времени.*

*Скандалы. Разборки. Подъезды. Вино.
Заводы. Заборы. Дожливо. Темно.
Как долго мы едем, как медленно!*

*Подросток зевает и смотрит в окно.
Ему элитарное крутят кино.
Он думал, что будет комедия.*

Удаву не лучше ль прикинуться шлангом?
А гению? —

Трудно, когда он не стоик.
И совесть обходишь, как водится, с фланга...
Но если ты Пушкин, жениться не стоит.

А я только трачу минуты нелепо,
К утру засыпаю над пропастью тома.
Жена вместе с дочкой в Черлаке все лето —
Не все у меня, получается, дома.

Пустеют дворы. Начинается осень.
На лавочке Бродский осеннему крику
Внимает.

И редких прохожих заносит
Ночной листопад...
В Красную книгу.

Ты плакал. И мысли, как звери, лезли...
В колодце окна – луна.
Ты думал, что это сродни болезни,
А это была весна.

Погашен торшер и мягка перина,
Какого еще рожна?
Ты думал, что рядом с тобой Ирина,
А это была жена.

Но прежде случались иные весны,
Ты был бесшабашно юн.
Деревья скрипели, как будто весла –
Отчаливал двор в июнь.

А ныне орбиты трещат и оси.
И ночь не дает огня.
Лишь доски забора торчат, как кости
Погибшего дня...

Осенний парк

Растут новостройки, что дети чужие.
Ах, gloria! – что ж ты sic transit все лето?..
Печальная весть... Но покуда мы живы,
В шкатулке заката – пружина рассвета.

Приходит эпоха березовых вспышек,
Когда с тем, что пережил, сводятся счета,
Когда мы способны читать то, что пишут
Арабскою вязью чугунных решеток...

*Блаженное начало сентября –
Когда следишь за векторами ветра,
И густо разливается заря
По венам замирающего сквера.*

*Он счастлив. Он звенит листвою, и
Никто не собирает этой жатвы...
Роняет листья под ноги свои.
И так себя себе приносит в жертву.*

*Неужто были наши корабли –
Как в золотом сеченье сновиденье,
И жизнь – как расстоянье от земли
До легкого листа в момент паденья...*

*Торг уместен. Такая традиция.
Продал все, начиная с грехов
И рубашки, в которой родился...
А недавно дошло до стихов.*

*...Вот опять – ни цветов, ни оваций.
Но душа – твой последний редут.
Даже если пойдешь продаваться,
Настоящей цены не дадут.*

*Мне говорят:
«Зачем его растишь?
Придет отряд,
И взвизгнет эта тишь.
Здесь пепел серый
И засады злая пасть...
Чем меньше сердце,
Тем трудней в него попасть».*

Мочка опоры

Прощание с Екатеринбургским

1.

*Я родился, когда окна были уже нараспашку.
Вдоль высоких домов бушевала, шумела весна.
Спеленали меня, подарили в горошек рубашку...
Город гарью дышал. Незнакома ему тишина.*

*...В нашем диком краю, где тайга прямо за огородом,
Я грущу без тебя... А сады занесло черемшой!
...Так бывает всегда – мы из малых,
неузнанных родин
Выбираем одну и потом называем большой.*

2.

*Как солнечно пыль играет,
Как ярок утренний свет!..
Я влез на крышу сарая.
Мне только двенадцать лет.*

*И в щелку я вижу тропинку
(Немного мешает клен)...
Идет по тропинке Иринка,
В которую я влюблен.*

*Дышать заставляет неровно –
Хоть дышится мне легко –
Мир, добрый, словно корова,
И теплый, как молоко.*

3.

*Я не стану душою кривить.
Буду жить по-мальчишечьи мудро.
Это птичка выводит: «Вить, Вить!»
И зовет в невозможное утро.*

*Я могу прикоснуться рукой
К тонкой ветке, травинке, зерну ли...
А туман по деревне такой –
Словно хлеб в молоко обмакнули...*

4.

*Все также сверкают деревья
Под северным, серым дождем,
Но больше не будет деревни:
Продан бабушкин дом.*

*Ошибки бывлые так трудно
Забыть и не брать в расчет:
Давно уж мы леса не рубим –
Щепки летят еще.*

*Но в венах моих не водица,
И светится боль во мне...
Живу ныне там, где родился –
На дальней, чужой стороне.*

5.

*Все знаю: вспоминать опасно,
Воды немало утекло...
Но светит месяц, светит ясный —
Я вижу вновь свое село.*

*На что бы тратил вечера я,
В какие авантюры лез!..*

*Но время ластиком стирает
Дома, сугробы, красный лес.
Иду — несуетный прохожий —
В колючем свете января.
От малой родины, похоже,
Остался у меня лишь я.*

6.

Здесь привыкли в сосне прозревать дрова,
В тонких ветках – метлу...

Но в зените года
Возле реченьки так зелена трава,
Будто сняли ее на «Kodak».

Догнивает за баней забытый сруб.
А по лужам гуляет сирень босая...
Поцелуй, как листья, слетают с губ,
Неслышно лица моего касаясь.

В это время стеною идет вода,
И врывается в сердце тоски стихия.
В это время чуть слышно скажи «звезда» –
И это будут стихи.

И поднимется утро, в висках стуча,
Золотой синевой заливая очи,
Отверткою солнечного луча
Выкручивая шурупы ночи.

*Я меняю стихи, словно сотни кож.
Перевернутый мир проникает в поры.
Оттого восклицательный знак похож
На рычаг и точку опоры!*

*...Не хочу, но стихает стобалльный шторм.
И предметы качаются в кислом дыме.
Потому ли грустны наши дети, что
Помнят родителей молодыми?*

*Вся деревня в июльскую ночь светла.
Не зову, не жалею, не жду ответа.
Мне не нужно уже твоего тепла,
Мне достаточно света.*

Лето, 2004 г.

*Не играй со мною в прятки,
Счастье...*

*Знаю наперед,
Что куплю себе «трехрядку» –
Веселить пойду народ.*

*А сегодня с дядей Колей
Мы коров пасли весь день.
...Пряный август, лес да поле,
Шапка стога набекрень.*

*Что мне ветер, дождь, опасность? –
Только звонче сердца стук...
Я пока еще подпасок,
Но в душе
давно
пастух!*

*На Иртыше сижу себе с утра.
Не нужно мне сановников и войска.
Ловись, мое прекрасное вчера,
На удочку бамбукового свойства.*

*Оплавилась по краю облака.
И все прозрачней солнечные оси.
И ветром заштрихована река...
Мне кажется, что все давно сбылось, но*

*Наступит ночь. Я буду сам не свой –
Как будто все поставлено на карту,
Как будто звезды тянут бечевой
Баржу Луны от Омска к Салехарду.*

*Но рыбы на лету клюют с руки.
И камни в двери августа стучатся.
...И я отнюдь не жажду моря счастья,
Поскольку мне достаточно реки.*

Усталость имеет устойчивость куба,
Так замотали дела...
Печально гляжу я на здание клуба –
Лучше бы церковь была.

В деревне заботы – дрова да картошка.
Вечером – чай, домино.
Жаль, не с кем из ближних поплакать о том, что
Годы проносятся... Но

Мне встретить бы друга, девчушку голубо-
Окую. Сплетни – зола!
...И я прохожу мимо здания клуба.
Лучше бы церковь была.

*Катилась по небу ночному слеза.
И небо струилось – морозное иссиня.
И если читать, закрывая глаза,
Об этом на каждой странице написано.*

*Не рвать мне в работе натруженных жил.
Зима. Остаемся без роду, без племени.
И крыша избышки, в которой я жил, –
Как суффикс глагола прошедшего времени...*

Устало хвоя сыплется с дерев.
Рассвет наступит тихо, не пылая.
Соседский пес, похоже, озверев,
Пустоты ночи заполняет лаем.

И что-то есть в предутренних часах,
Что заставляет сердце биться чаще,
Когда нет смысла в наших голосах
И, как медведь, Луна уходит в чащу.

Я путник, что остался на постой
В родном краю, где ночь идет на убыль.
И я вдыхаю сумрак золотой
И пряную траву целую в губы...

Прошу, соловушка, допой! –
Покуда все свежо и юно,
Луна идет на звездой
По эту сторону июня.

И поступь всякая легка –
Не мнут травы ночные кони.
Деревья – это облака,
Которые пустили корни.

Заплачь, напейся, закричи –
Неслышно мчит шальная тройка...
Минуты словно кирпичи,
И жизнь моя – большая стройка.

И я не в силах превозмочь
Тоски, душевного разлада.
Не спится. Снова эту ночь
Ломать, как плитку шоколада.

Но вот зрачок сужает круг.
И замечаю чудо это:
На плечи деревеньки вдруг
Наброшенный платок рассвета...

*Пускай закрыта грустной тучей радуга
И пью минуты мая, не пьянея,
Но просыпаться все светлей и радостней,
Поскольку сны все горше и страшнее.*

*Мне тридцать. Поздно бегать на свидания.
Но еду (ничего, что с опозданием)
Туда, где узкий мостик через речку,
Закатный час, и ты идешь навстречу;
Где жить не нужно вычурно и начерно,
Вся наша жизнь представлена воочию,
И линией березки обозначена
Граница между вечером и ночью...*

Delirium tremens
(Симфония)

Сколько в глазах новобрачных мрачной
Лирики, осени. Сколько боли в них!..
Впрочем, стихи – перевод невзрачный
Сна ли, тоски, языка любовников...

Рыбы-слова выплывают из мрака.
Строки – что волны – идут параллельно...
И теплохода почтовая марка
На океана конверт наклеена.

Город раскинулся зло и бульварно.
И не спастись ни пижону, ни волку.
Из «Шардоне», «Изабеллы» и «Варны»
Мудрая девочка выберет водку.

...Нет, я не грежу мулатками, пальмами.
Речь безыскусна, походка пружинна.
Я сам себе – удивительный памятник,
Недолговечный, однако – при жизни.

* Дрожащее безумие (лат.)

Признаюсь, я обжигался часто.
Разгадка в женщине быть должна!
... Скажи мне, милая, только честно:
Ты друг иль, наоборот, – жена?
Бьюсь не за славу и не за место...
И снова лихо сажусь на мель.
И жизнь проходит так незаметно,
Как «солнце» пишется с буквой «л».

В небе сжимается в каплю луна.
Тени выходят, как звери.
Только не сжата полоска одна
Света, под самую дверью...

Может быть, это есть творческий зуд
Или хождение по кругу? –
Интеллигенты друг друга грызут,
Зла не желая друг другу...

Вижу, что наши дороги кривы,
Вижу – качается ветка,
Вижу машины, прохожих, – увы,
Ни одного человека.

Утро. Начинаются машины,
Снег несостоявшихся свиданий...
И берез глубокие морщины
Проступают вновь на лицах зданий...

Кружит шар зимы, не уставая.
Все размыто, матово, нерезко.
Тянется куда-то шарф трамвая,
Связанный на тонких спицах рельсов...

Не важно, когда это было и с кем,
И как раскрывался рисунок планет.
Рука шарит в поисках кнопки «Esc»,
Но выхода нет, кроме как – в Internet.

И годы мелькают в каком-то дыму,
И наши беседы похожи на чат,
Но я существую! – да хоть потому,
Что в дверь позвонят, я пойду отвечать.

И завтрашний день – это пицца уму,
А прожитый день созерцаю в тоске.
Но я существую... Да хоть потому,
Что ямка у дочки на правой щеке.

Дочери

*Солнышко мое, иной весной
Мне водою кажется вино,
Кружатся амуры надо мной –
Только сердце все-таки одно.
...Ничего не разглядеть в окне.
Бьется ночь о снежное стекло.*

*Спит в кроватке Солнышко,
А мне
Все равно светло...*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ</i>	8
<i>Личная жизнь</i>	9
<i>«...Дали врагам сполна!</i>	20
<i>«Спотыкался, финтил бестолково...»</i>	21
<i>«Написать бы, что сердцу тесно...»</i>	22
<i>Ода сеновалу</i>	23
<i>«Будни стирают нас в порошок ...»</i>	24
<i>«Было ли? Было...»</i>	25
<i>«Не хочется ни шума, ни компаний...»</i>	26
<i>«Скажешь «да», и тогда буду счастлив очень...»</i>	27
<i>«За юность шальную, гордую...»</i>	28
<i>«Пускай окликнет кто-нибудь по отчеству...»</i>	29
<i>«В любви не везло. Отвергали, не скрою...»</i>	30
<i>«Алы небес края...»</i>	31
<i>Семейная сцена</i>	32
<i>Городская песня</i>	33
<i>Чужой город</i>	34
<i>Моей Пенелопе</i>	35
<i>«Что ж, такая случилась погода...»</i>	36
<i>«Мы столько лет одну эпоху месим...»</i>	37
<i>«Поутихли бураны и штормы лютые...»</i>	38
<i>«Подсвечено лицо моей жены изнутри...»</i>	39
<i>«Ты не станешь перечить...»</i>	40
<i>КВАДРАТНЫЙ СНЕГ</i>	41
<i>Письмо бабушке</i>	42
<i>Квадратный снег</i>	46

<i>Железнодорожный вальс</i>	58
<i>Другу в Германию</i>	59
<i>Элегия</i>	60
<i>Кающейся Маргалине</i>	61
<i>«Дочь рисует папу. Дочь рисует часто...»</i>	62
<i>«Он рано женщину познал...»</i>	63
<i>«Он был Моцартом профиля узкого...»</i>	64
<i>«Когда она одна, когда не спится...»</i>	65
<i>Письмо из Тавриды</i>	66
<i>Танец ночных бабочек</i>	67
<i>Ночные мысли</i>	68
<i>«Скучный дождик, за буднями – будни...»</i>	70
<i>Вечерние песни</i>	71
<i>«Пока что не гаснет над нами звезда...»</i>	73
<i>Отрывок</i>	74
<i>«...А генералы с помощью искусства...»</i>	75
<i>«Жизнь идет с понедельника и до утра...»</i>	76
<i>«Часто думаю в сумраке ночи...»</i>	77
<i>Железнодорожный романс</i>	78
<i>Дорожная жалоба</i>	79
<i>«Похоже, проливной свое берет...»</i>	81
<i>Московская сага</i>	82
<i>10 600 м.</i>	84
<i>«Рвануться. Взлететь. Опась...»</i>	85
<i>«Нет, я не хуже и не лучше всех...»</i>	86
<i>«Для истины нет потолка или дна...»</i>	86
<i>«Маячат под вечер повсюду драконы...»</i>	87
<i>«Скандалы. Разборки. Подъезды. Вино...»</i>	88
<i>«Угаву не лучше ль прикинуться шлангом?...»</i>	89

<i>«Ты плакал. И мысли, как звери, лезли...»</i>	90
<i>Осенний парк</i>	91
<i>«Блаженное начало сентября...»</i>	92
<i>«Торг уместен. Такая традиция...»</i>	93
<i>«Мне говорят...»</i>	93
<i>ТОЧКА ОПОРЫ</i>	94
<i>Прощание с Екатерининским</i>	95
<i>«Не играй со мною в прятки...»</i>	102
<i>«На Иртыше сижу себе с утра...»</i>	103
<i>«Усталость имеет устойчивость куба...»</i>	104
<i>«Катилась по небу ночному слеза...»</i>	105
<i>«Устало хвоя сыплется с дерев...»</i>	106
<i>«Прошу, соловушка, допой!»</i>	107
<i>«Пускай закрыта грустной тучей радуга...»</i>	108
<i>Delirium tremens (Симфония)</i>	109

Виктор Гаврилов

Свет, который внутри

Стихи

*Редактор М. Безденежных
Компьютерная верстка С. Коновалова
Корректор М. Безденежных
Художник Г. Серебрякова*

*Сдано в набор 30.08.2006 г.
Подписано в печать 10.12.2006 г.
Формат 60x84 1/32. Бумага писчая.
Оперативная печать.
Гарнитура Baltika С. Печ. л. 3,6.
Тираж 700 экз. Заказ № 32.
ООО Издательство «Русь»*

